

— Сын приветствует матушку-императрицу, — Канси опустился на одно колено, глядя на неё с сыновней нежностью и глубоким почтением.

Во дворце Цынин, восседая на почётном месте, находилась вдовствующая императрица. Женщина лет тридцати с небольшим, облачённая в роскошные шёлковые одежды, украшенные золотом и драгоценностями, поражала своей статью. Её величественная красота, выразительные глаза, тонкие брови, подчёркнутые пудрой, и нежные губы придавали ей облик редкого благородства и грации. Она пребывала в самом расцвете женской красоты.

Императрица, едва заметно поведя взглядом, посмотрела на Канси. Её тонкая, ухоженная рука, белая, словно нефрит, слегка приподнялась:

— Дитя моё, оставь эти формальности. Вставай.

Канси поднялся и сел напротив неё. На его ещё юном, но уже отмеченном печатью мужественности лице читалось разочарование:

— Матушка, я проиграл.

— О? — Императрица была удивлена, и её спокойный, подобно глади озера, голос дрогнул. — Покажи мне приёмы, которые он использовал.

— Слушаюсь, матушка, — ответил Канси и встал.

Память у императора была отменная, и он почти в точности воспроизвёл движения Ли Чанъгэ.

В то время как Канси и императрица беседовали во внутренних покоях, за окном, словно призрак, притаилась тень, подслушивая их разговор.

— Это приём захвата из монастыря Шаолинь. Похоже, за спиной этого Сяо Гуйцзы стоит кто-то весьма искусный, — подумала императрица. Она слегка расслабилась и невольно улыбнулась. Её пальцы, украшенные золотыми накладками, едва заметно шевельнулись, а в глазах промелькнуло нечто загадочное.

Канси обрадовался:

— Тогда, матушка, как же мне его одолеть?

Видя, как обычно сдержанный и воспитанный юный император проявляет свои чувства столь открыто, императрица не удержалась от лёгкого смеха:

— Не спеши, дитя моё...

Осознав свою неловкость, Канси покраснел и, смутившись, сделал глоток чая.

Императрица видела всё, что происходило с сыном, и удовлетворённо кивнула: её многолетнее воспитание не прошло даром. Она решила больше не тянуть с ответом.

— Шаолиньская техника захвата глубока и сложна, без десятилетий упорных тренировок её сути не постичь. Тебе стоит лишь использовать приёмы Удан... Кто здесь?!

На полуслове лицо императрицы заледенело, а взгляд, острый, как лезвие меча, метнулся к окну.

Канси, внимательно слушавший наставления, замер в недоумении:

— Матушка, что случилось?

Холод мгновенно исчез с лица императрицы, вернув ей прежнюю степенность. Она рассеянно ответила:

— Ничего. Слушай внимательно то, что я скажу дальше.

Ли Чанъгэ только вышел из купальни, как увидел Хай Дафу, возвращающегося с улицы. Он удивился: зачем этому старому хрычу понадобилось бродить где-то посреди ночи?

Впрочем, любопытство было не для него. Ли Чанъгэ поздоровался и собрался спать — другого выбора у него всё равно не было. Пока Хай Дафу был рядом, о свободе можно было забыть. В эту эпоху не было ни телефонов, ни телевизоров, из дворца не выйти, и его жизнь всё больше напоминала существование глубокого старика.

— Сяо Гуйцзы, ты каждый день бываешь в кабинете, но до сих пор не нашёл Сутру сорока двух глав... — Хай Дафу говорил не спеша, но с каждой фразой его голос становился всё холоднее. Он шаг за шагом приближался к Ли Чанъгэ.

Каждый его шаг отдавался в сердце Ли Чанъгэ, заставляя его отступать назад.

С пугающей быстротой Хай Дафу оказался перед ним и вцепился своими сухими, словно когти, руками в плечи парня:

— Сяо Гуйцзы, ты что, не слушаешь своего наставника? Кхе-кхе... Ты не стараешься искать, верно?

По спине Ли Чанъгэ пробежал холодный пот. Он видел в глазах Хай Дафу неприкрытую жажду убийства. Старая черепаха явно теряла терпение, нужно было срочно придумать оправдание.

Он действительно искал сутру, но книг в кабинете было не счесть, а времени — всего на одну палочку благовоний, иначе его могли обнаружить. За эти дни он успел перерыть едва ли половину.

Ли Чанъгэ, хитро прищурившись, заискивающе улыбнулся:

— Нет, что вы, наставник! Вы несправедливы ко мне. В кабинете книг тысячи, а времени у меня в обрез, да и боюсь попасться на глаза другим. Если из-за моей оплошности сорвётся ваше великое дело, я и десяти смертей не буду стоять!

Он почувствовал, что хватка Хай Дафу ослабла, и, резко вырвавшись, отполз подальше от жуткого старика.

Хай Дафу медленно выпрямился:

— Так будет лучше. Сяо Гуйцзы, ты умный мальчик, не разочаруй меня.

Сказав это, он ушёл во внутренние покои, оставив дверь открытой.

Старый хрыч, проклятый евнух, старая черепаха! Ну погоди, я тебе устрою. Травишь меня, угрожаешь — я рано или поздно с тобой поквитаюсь!

Ли Чанъгэ со злобой посмотрел вслед Хай Дафу, потёр ушибленное плечо, беззвучно вздохнул и, отряхнувшись, лёг на кушетку.

На следующее утро, позавтракав, Ли Чанъгэ не пошёл играть в азартные игры, а прокрался к кабинету. Увидев, что стражи нет, он толкнул дверь, но та была заперта изнутри.

Он прислушался — тишина. Заглянул в щель — никого. Тогда он достал из сапога кинжал, просунул лезвие в щель и принялся осторожно отодвигать засов.

От напряжения на лбу выступил пот. Наконец, засов поддался. Ли Чанъгэ быстро проскользнул внутрь и снова запер за собой дверь.

Он осторожно обыскивал каждый уголок, стараясь не шуметь. Раньше его постоянно сопровождали братья Вэнь, и он не решался лезть к императорскому столу. Теперь же, когда никого не было, можно было рискнуть.

Ли Чанъгэ поднялся по ступеням к столу, покрытому жёлтой парчой с изображением дракона. На столе царил идеальный порядок: доклады, книги, бумаги. Проигнорировав официальные документы, он взялся за две стопки книг справа.

Поиски не дали результата. Ли Чанъгэ в раздражении потёр переносицу. Он аккуратно сложил

книги обратно, стараясь придать столу прежний вид: если заметят, что здесь кто-то рылся, будет беда.

Скрип!

Ли Чангэ вздрогнул, услышав звук открывающейся двери. Обернувшись, он увидел, что главная дверь по-прежнему закрыта. Не раздумывая, он бросился за огромную ширму, стоящую за тронном.

Вошло человек пять. Впереди шёл Канси, за ним следовали четверо евнухов с согбенными спинами.

Канси сел на трон и принялся за доклады. Двое евнухов опустились на колени у его ног, остальные двое остались охранять вход.

<http://bllate.org/book/19451/1907796>